09 1990

0 0 5

ТУ–19–241–82

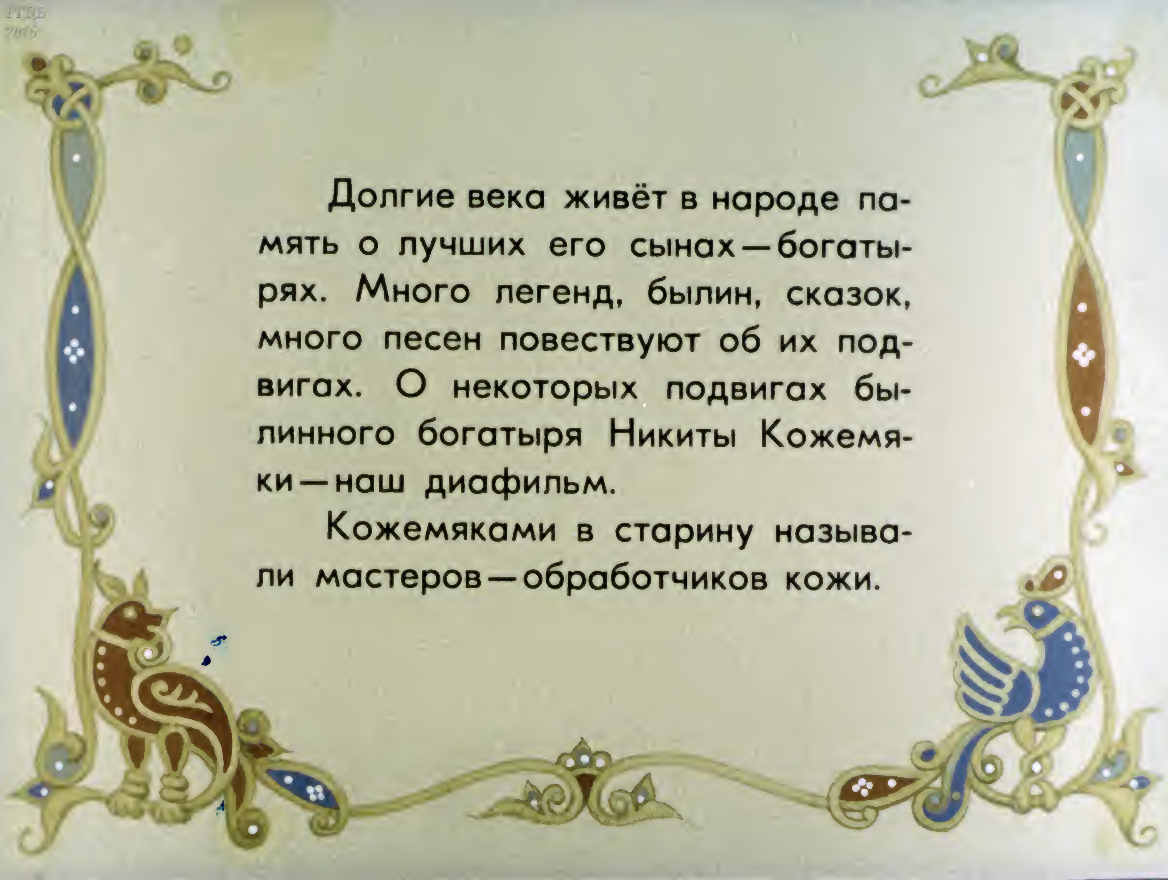
8

2

студия
ДИАФИЛЬМ

08—3—369

Никита
Кожемяка
По мотивам украинских
народных сказок
Художник
Н. Ермак

Долгие века живёт в народе память о лучших его сынах — богатырях. Много легенд, былин, сказок, много песен повествуют об их подвигах. О некоторых подвигах былинного богатыря Никиты Кожемяки — наш диафильм.

Кожемяками в старину называли мастеров — обработчиков кожи.

Прискакал во двор киевского князя Владимира гонец. «Беда,— кричит.— Идут на Киев полчища печенегов!»

Вышел врагу навстречу князь Владимир со своим войском. Стали рати в поле друг против друга — бой не начинают.

Говорит печенежин Владимиру: «Выпустим сильнейших наших богатырей. Пусть бьются один на один. Если мой твоего одолеет, три года будем твою землю топтать, дань с киевлян брать».

«А если мой твоего победит?»—спрашивает Владимир. «На три года в степь уйдём, против вас воевать не будем».

Всполошились, зашумели киевляне: «У печенегов,— говорят,— гляньте, какой воин. Силы необыкновенной! А нам где такого взять, где его сыскать?»

Стали глашатаи во все концы кричать: «Храбрые молодцы! Кто самый сильный? Кто печенежина одолеет? Выходи!»

Вышел вперёд могучий человек. «Мы, княже, кожемяки — люди сильные. Я с собой четырёх сыновей в твоё войско привёл. Пятый, меньшой, Никитой звать, дома остался. Кожи мнёт. И силён же он! Может, одолеет печенежина?»

Пришли к Никите княжеские посланцы: «Силён ты, Никитка, сразу двенадцать кож мнёшь. А сила твоя нынче для другого дела нужна — Киев-град спасать...» — «Ладно», — говорит Никита.

«Ох, опозорит нас Кожемяка — молод очень, не сдюжит!» — думает князь.

«Наш богатырь вашего одним пальцем раздавит», — смеются печенеги.

«Не хвались идучи на рать» — гласит пословица. Победил не печенег, победил киевлянин Никита Кожемяка.

Но коротка у князя память. Празднует Владимир победу, а Никиту Кожемяку и на пир позабыл позвать...

Обиделся Никита, навсегда ушёл из княжеского войска. Живёт-поживает, кожи мнёт... Так прошло немало лет.

Чёрные дни наступили в Киеве: поселился под городом непобедимый шестиглавый Змей. Своими детьми горожане ему дань платили. С плачем ненасытному отдавали.

Трепетали перед ним киевляне. Лишь однажды Змею не повезло. Размачивал Никита Кожемяка двенадцать шкур в Днепре, а Змей захотел их утопить. Так Кожемяка чуть со шкурами самого Змея на берег не вытащил!

Еле ушёл от него Змей и с тех пор ещё злее стал.

А тут пришёл черёд и молодой княжне — дочери Владимировой на верную погибель к Змею идти. Рыдает княгиня-мать, плачет княжна, горюет князь, а что делать? Никто не может Змея одолеть...

Княжна голубя с собой взяла, чтобы, когда Змей её изведёт, вернулся он к родителям, весточку от дочки последнюю передал.

Ждёт своего страшного конца девушка, а Змей ей говорит: «Ты, княжна, роду знатного, красивая и нрава кроткого, я тебя не съем, я на тебе женюсь».

Услыхала княжна, что в живых останется, и решила перехитрить Змея. «Коли мне за тебя замуж идти, хочу знать: есть ли на свете человек, который бы тебя одолел? Не придётся ли мне во вдовах остаться?»

Отвечает Змей: «Живёт в Киеве простой кожемяка, Никитой звать. Он один побороть меня в силах».

Послала княжна с голубем письмо отцу. «Найди,— пишет,— Никиту Кожемяку. Он один может Змея побороть, меня спасти».

«Голубь вернулся,— рыдает княгиня.— Загубил Змей нашу доченьку...»—«Погоди плакать,— говорит князь,— тут от неё письмо».

Посылает князь к Никите почтенных старцев. «Боюсь,— говорит,— сердится на меня Кожемяка. Так уж вы его уговорите».

Как увидел Никита, что стариков к нему князь прислал, вспомнил старую обиду и не стал их слушать. Так рассердился, что двенадцать кож надвое разорвал.

«Не простил меня Кожемяка,— жалуется князь.— Вы с ним одних годов, авось поймёте друг друга, упросите его тяжкому горю моему помочь».

И этих послов княжеских не послушался Никита. Не захотел ради неблагодарного князя на смертный бой идти.

«Сегодня Змей мою дочку загубит, завтра и до ваших меньших доберётся,— говорит князь.— Авось малые дети Никиту разжалобят, упросят».

Пожалел Никита малых детей, согласился против Змея на бой пойти.

«Вели, княже,— потребовал он,— чтобы мне двенадцать возов соломы да двенадцать бочек смолы привезли. Драться со Змеем пойду». Тут же ему всё и доставили.

Обмотался для защиты Никита соломой, осмолился смолой и пошёл к Змеевой пещере.

«Ты зачем, Кожемяка, ко мне пожаловал? Биться или мириться?» — «Чего уж там мириться, биться с тобой, с душегубом!»

Никита одну голову Змею отсёк, да тот другой головой большой кусок смолы у Кожемяки оторвал.

Срубил Никита другую голову, а четыре-то шипят, пасти зубастые открывают. Почти всю соломенную защиту с него сорвали.

Так распалился Змей, что побежал к Днепру водицы напиться, в реке охладиться.

А Никита Кожемяка, покуда Змей к реке бегал, наново соломой обмотался, смолой осмолился.

Долго бились... Но пришёл Змею конец. Задрожали горы, на которых Киев стоит, когда Никита вогнал Змея в землю.

«Ай да Никита! Ай да Кожемяка!—кричит народ.—Слава тебе, что Змея убил, детей наших от лютой смерти спас, город освободил!»

Слава храброму киевскому богатырю Никите Кожемяке, на долгие века слава!

Конец
Сценарий и обработка П. УТЕВСКОЙ
Редактор Т. СЕМИБРАТОВА
Художественный редактор В. ДУГИН
© Студия «Диафильм»
Госкино СССР, 1983 г.
101000, Москва, Центр,
Старосадский пер., 7
Д-139-83
41